ЗЛАТА ИВОЛГА

РОКОВАЯ РЕЛИКВИЯ

18+

Злата Иволга

Роковая реликвия

Серия «Курт и Ада», книга 3

https://litres.ru/73445911
SelfPub; 2026

Аннотация

Инспектор жандармерии Курт фон Апфельгартен и его жена Ада собирались хорошо провести время на ярмарке, а пришлось расследовать убийство и кражу ценной реликвии. Подозреваемые — члены уважаемого духовно-рыцарского ордена, что сильно затрудняет дело. Чтобы размотать клубок событий, Курту и Аде придется сильно постараться и вытащить на свет неудобные для участников событий тайны.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 36
Глава 3 67
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Злата Иволга
Роковая реликвия

Глава 1

Пронзительный голос торговца пирожками в разнос заглушил громкий гудок паровоза. Следом раздались шипение и лязг приходящих в движение колес.

— Стойте! Подождите! Задержите проклятый поезд!

— Смотрите, тетя Ада, кто-то еще опоздал, — весело сказал Йозеф, высовываясь в окно.

— Отрадно слышать, что мы не одиноки, — вздохнула Ада. — Точнее, ты. Однако надо было взять извозчика или паромобиль. Ехать недолго.

— На поезде комфортнее, — возразил Йозеф. — Тем более для меня всегда держат место первого класса. О, она все же успела. Теперь тронемся.

Поезд еще раз дернулся и наконец-то медленно поехал, оставляя позади Западный Венский вокзал. С тихим шумом включилась вентиляция, прогоняя накопившуюся во время стоянки летнюю жару.

Йозеф со стуком опустил окно и сел напротив Ады, отодвинув брошенную рядом шляпу.

— Думаю сначала заехать в Айсбах, — сообщил он. — Не

был дома аж с позапрошлого семестра. Потом присоединюсь к тебе и дяде Курту. Ярмарка все равно только через неделю.

Ада поморщилась. Ну, какой, к слову сказать, Курт ему дядя? Как и она тетя. Йозеф — сын покойного мужа, ее пасынок. Нынешний муж ему скорее старший приятель.

— Люди приедут заранее. Все гостиницы, если они там есть, и наемные комнаты будут забиты, — сказала она вслух, давно поняв, что поправлять Йозефа бесполезно. С тех пор, как он, тринадцать лет назад, с детской непосредственностью ткнул в невесту отца пальцем и спросил: «Что это за тетя?»

— Но ведь нам не нужна гостиница, верно? Разве эти бароны не выделят дяде Курту и его семье места в замке?

Ада посмотрела в его искренне удивленные голубые глаза и фыркнула.

— Конечно. И слуг предоставят, по три на каждого.

Йозеф невозможен! С тех пор, как Ада вышла замуж за инспектора жандармерии с аристократической фамилией, пасынок считал ее, по меньшей мере, баронессой. А ведь Курт всего-то младший брат барона, да еще и третий по счету. Возглавить охрану порядка на ярмарке ему поручили на работе. Он вовсе не ровня владельцам замка Шенхаузен.

Йозеф часто заморгал и, похоже, обиделся. Взял газету со столика, с шумом развернул ее и спрятался. Прошло минут пять, поезд размеренно качало на рельсах, Ада смотрела в окно на проплывающие мимо сады пригорода Вены.

— Думаю, лучше обойтись нашим домом, — наконец ска-

зала она.

Йозеф тряхнул газетой и возмущенно ответил:

— Шенхаузен в двадцати километрах от Санкт-Пельтена. Ярмарочных дня три. Мы будем таскаться туда-сюда, трясясь в наемных экипажах?

— Для молодого человека и будущего врача ты удивительно неповоротлив, — укоризненно заметила Ада, решив не упоминать паросамокат или длительную пешую прогулку.

— Кстати, — сказал Йозеф, выглядывая из-за газеты. — Почему в детстве меня ни разу не водили на эту ярмарку? Я и тогда не любил лишние телодвижения?

Ада помедлила пару секунд.

— Ты был там два раза, — ответила она. — Первый раз еще до меня с отцом. А второй — где-то через полгода после нашей свадьбы, тебе было десять лет.

— Да ну? Почему я этого не помню? — окончательно высунулся из-за газеты Йозеф.

— Первый раз ты до ужаса испугался фокусника, а второй получил кокосом с аттракциона в голову. Твой отец решил, что с тебя хватит развлечений.

Пасынок смотрел на нее, приоткрыв рот.

— Верно. Одной осенью я пошел в школу с опозданием. Так вот что это было. Ярмарка проклята, не иначе. Может, мне не стоит пробовать третий раз?

Он свернул газету, положил на край стола, и она упала куда-то между стеной и сиденьем. Оттуда раздалось тихое,

но четкое мяуканье и шорох, будто кто схватил газету.

— Ты слышал?

Ада огляделась, затем нагнулась и, подобрав юбку, осмотрела пол.

— Кошка? — удивился Йозеф, соскальзывая с места и оказываясь на полу на коленях, забыв о новых светлых брюках. — Откуда она здесь?

— Аккуратнее, твои… — Ада ни о чем не забывала, но отругать пасынка не успела.

Тот через минуту распрямился, осторожно держа что-то на руках. Точнее, белоснежного короткошерстого кота. Он протестующе замяукал, когда Йозеф выхватил из его лап порядком скомканную газету, но не стал вырываться. Йозеф водрузил его на сиденье и нажал кнопку вызова проводника. Кот тут же начал вылизываться, презрительно, как только умеют его собратья, щуря на людей зеленые глаза.

Зашедший в купе проводник обрадованно всплеснул руками.

— Надо же, нашелся.

— Он чей-то? — спросил Йозеф. — Мы думали, забежал с улицы перед отправлением.

Ада так не считала. Слишком уж чистым выглядело животное и не боялось людей. Кстати, оно не было полностью белым, на хвосте и двух лапках виднелись рыжие пятнышки.

— Да куда там, — покачал головой проводник, подходя к коту и с опаской подхватывая его под пузо. — Я с ног сбился.

Да и хозяйка тоже. Пойду, обрадую.

Недовольный тем, что прервали его туалет, кот снова замяукал и попытался вырваться, но проводник решительно вынес его из купе.

— Надо попросить еще газету, — уныло сказал Йозеф, поднимая то, что осталось от прежней. — Пойду, догоню. Заодно пройдусь.

Ада с удивлением посмотрела за закрывшуюся за ним дверь купе. Они ехали не больше получаса, вряд ли пасынок мог засидеться. Что ему еще пришло в голову? Она подумала с минуту, затем пожала плечами и достала из саквояжа книгу.

Все выяснилось, когда они уже сходили на вокзале в Санкт-Пельтене. Йозеф выскочил первым и замахал рукой какой-то девушке с большой корзинкой в руках.

— Это Изольда, тетя Ада, — представил ее пасынок. — Как дальше не знаю, но она настояла, чтобы без церемоний. Фройляйн Изольда, это фрау фон Апфельгартен, моя мачеха. Мы тоже едем на ярмарку в Шенхаузене.

Ада не без удивления рассматривала новую знакомую Йозефа, которую он, вероятно, нашел в поезде. Высокая стройная девушка с волосами цвета шоколада и серыми глазами. Довольно симпатичная, даже острый носик и слишком тонкие губы ее не портили. Ада привыкла, что многие современные молодые особы выглядят небрежно, особенно те, что учились в университете с Йозефом, но в этом случае небреж-

ность была слишком показательной. Слишком короткая юбка, открывающая икры в тончайших чулках и туфлях на толстой подошве, слишком растрепанная прическа, точнее почти отсутствие таковой, кое-как приколотая к гульке на голове шляпка и яркая губная помада.

— Приятно познакомиться, — сказала девушка высоким манерным голосом, в котором, однако, звучало дружелюбие.

Крышка корзинки зашевелилась, и оттуда показалась знакомая кошачья белая мордочка с зелеными глазами. Вот оно что! Но почему Йозеф решил, что хозяйка кота молода и симпатична? Проводник ничего не говорил о ее возрасте.

— Изольда приехала из Реца к отцу, — зачем-то объяснил Йозеф, смотря на нее с таким искреннем восхищением, что Аде стало его жаль.

— Что ж. Надеюсь, путешествие не очень утомило фройляйн, — улыбнулась Ада. — Нисколько, — беспечно отмахнулась Изольда. — Только Пушель постоянно сбегает, воришка.

Ада подавила смешок. Что натворил кот, что заслужит такое обращение? Крал газеты?

— Он нам ничуть не помешал. На чем вы поедете? — спросил Йозеф. — Мы собираемся нанять паромобиль. Если он тут есть, конечно.

— Меня встречают здесь неподалеку, — покачала головой Изольда, привычным движением запихивая голову кота в корзинку.

— Тогда до свидания? — с надеждой произнес Йозеф.

— Посмотрим, — небрежно махнула рукой Изольда, развернулась и скоро исчезла в толпе.

Ада не произнесла ни слова, пока они не расположились на жестких сиденьях старого паромобиля. Она собиралась осторожно расспросить, как Йозеф познакомился с девушкой, но тот не выдержал первым.

— Ты так неодобрительно молчишь, тетя Ада, что я чувствую себя преступником, — заявил он. — Нет, я не из-за Изольды настоял на поездке на поезде. Я увидел ее, когда она бежала за вагоном в Вене.

— Опоздавшая девушка, — понимающе воскликнула Ада.

— Да, только... — Он замялся. — Я встречал ее раньше, зимой, на выставке какого-то модного художника. Мы с приятелем зашли туда случайно, и я разговорился с Изольдой. Так, о картинах, местных новостях, ничего серьезного. Затем выпили чай в кафе, хорошо провели время. Я пытался узнать о ней больше, но она только усмехнулась, попрощалась и пропала. А сегодня смотрю — за поездом бежит с корзинкой в руках. Вот это совпадение. Потом кот, за которым пришел проводник. Я подумал, что он и сидел в корзинке, решил проверить. И не ошибся — в Вене Изольда вышла размять ноги и чуть не прозевала поезд.

— Курт бы похвалил тебя за сообразительность. А вот я могу только поругать.

— Чем Изольда тебе не угодила?

— Как ты думаешь, почему она скрытничает? Представилась только именем?

Йозеф с шумом выдохнул.

— Ты слишком старомодна.

— И почему проводник лично искал кота пассажирки, да еще так угодливо отнес его вместо того, чтобы просто ее вызвать?

Йозеф чуть нахмурился.

— Пожалел?

— Она не производит впечатление дамы в беде, — возразила Ада. — Наоборот — выглядит независимо и даже дерзко.

— Что ты хочешь сказать? — сердито спросил пасынок, глядя на нее исподлобья.

— Ты ездишь первым классом в поездах двух железнодорожных компаний, потому что твой отец работал у них главным инженером. Проводник ищет кота дамы, потому что ее фамилия наверняка с приставкой.

— Твоя тоже, — буркнул Йозеф.

— Не тот случай, — улыбнулась Ада. — Небрежная одежда Изольды не поношена и хорошо сшита, чулки слишком тонки, значит, дороги, а на корзинке затертый герб.

— Тогда с ней должна быть горничная или камеристка, — привел последний аргумент Йозеф, грустнея на глазах.

На что Ада только развела руками и сказала:

— Теперь ты слишком старомоден. Молодые знатные дамы теперь часто нарушают традиции. Как бы то ни было, она тебе не ровня, Йозеф.

Пасынок надулся, отвернулся к окну и молчал всю дорогу.

Когда паромобиль остановился возле здания жандармерии, уже вечерело и жара немного спала.

— Как странно, — сказала Ада, разглядывая знакомые ворота. — Курт никогда не опаздывает. Зайдем внутрь и спросим, где он.

Йозеф кивнул и засунул руки в карманы. Вероятно, все еще злился.

Сонный дежурный за тусклым стеклом, как только Ада представилась, тут же оживился и сообщил, что инспектор фон Апфельгартен не может встретить супругу и ее спутника, но велел позвонить вот по этому номеру.

Сжимая в руках мятую бумажку, Ада слушала длинные гудки в трубке, сопение дежурного и вздохи Йозефа. Наконец, раздался щелчок, и вежливый голос сказал:

— Замок Шенхаузен.

Изумленная Ада чуть не выронила трубку. Но быстро взяла себя в руки и твердым уверенным голосом попросила пригласить инспектора фон Апфельгартена. Казалось, прошла еще вечность, когда она наконец-то услышала голос мужа. Поговорив с ним, Ада положила трубку на рычаг и повернулась к вопросительно смотрящему на нее Йозефу.

— Не знаю, как насчет слуг, но замок нам, похоже, обес-

печен, — сказала она. — А вот ярмарка под вопросом. Барона Лютера фон Шенхаузена убили.

— И вроде ценную реликвию сперли, — прибавил дежурный, когда они направились к выходу. — Венец этого, как его, Луки. — Он испуганно замолк. —Только я вам ничего не говорил.

— Мы что — поедем прямо сейчас? — спросил Йозеф.

— О, нет, утром, — отозвалась Ада, которая на самом деле с удовольствием увидела бы мужа уже этим вечером, потому что за две недели в Вене успела сильно соскучиться. — Переночуем у нас дома, как и планировали. Хотя ты собирался в Айсбах.

— Придется отложить, — без особого огорчения пожал плечами Йозеф. — Не могу же я тебя теперь бросить.

Замок Шенхаузен, как и небольшая деревенька с таким названием, занимали несколько холмов, по которым петляла на редкость ровная дорога. Само жилище баронов стояло на пологом склоне самого широкого холма, который постепенно спускался в долину. Именно она много лет служила местом для Урожайной ярмарки, как ее называли местные жители.

Паромобиль, везший Аду и Йозефа, миновал несколько ферм с пасшимися там козами и коровами, обогнул небольшую березовую рощицу, не без труда взобрался на последний холм, резво спустился и плавно заехал на следующий. Через какое-то время показались распахнутые кованые во-

рота с гербами, и, наконец, паромобиль остановился возле бело-розового замка.

Впрочем, решила Ада, выходя и разминая затекшие ноги, скорее трехэтажного особняка в старинном стиле, чем замка. Не сравнить с замками старой знати в тех же провинциях Мерен или Богемии. До последней Ада, правда, еще не доехала, однако хорошо помнила рисунки и фотографии, которые показывал первый супруг, университетский преподаватель исторических наук. Бедняга. Его жизнь унесла пневмония всего через два года после их с Адой свадьбы.

Жилище баронов Шенхаузен насчитывало лет сто-сто пятьдесят, не больше. Оно старательно изображало средневековую крепость, но в его облике виднелась тяга к комфорту. Стены были выкрашены в нежный розовато-бежевый цвет, по углам красовались островерхие башенки-эркеры, больше похожие на изящные футляры для часов, чем на дозорные вышки. Окна, обрамленные резными наличниками, казались слишком большими и частыми для настоящего старинного замка.

— Больше напоминает банкиров, чем баронов, — хмыкнул Йозеф, словно прочитав мысли Ады.

Главный вход украшала широкая каменная дорожка, ведущая к дубовой двери с массивной бронзовой ручкой. По бокам красовались аккуратные клумбы с аккуратно подстриженными кустами самшита.

— Возможно, это новый дом, — пожала плечами Ада, на-

блюдая, как водитель неловко вытаскивает багаж. — Родовое гнездо могло прийти в негодность или сгореть.

— Или барон получил титул недавно, а его отец или дед торговали овощами на рынке, — продолжал веселиться Йозеф. — О, а вот и дядя Курт.

Из-за бежевого-розового угла действительно показался муж и, улыбаясь, быстро пошел к ним, на ходу приглаживая волосы. Шляпу он держал в руках. За ним семенила невысокая полная женщина в старомодной шляпке с развевающейся на ветру откинутой вуалью.

— Ада, Йозеф. Хорошо добрались? — спросил Курт после того, как взял Аду за руки и чмокнул в щеку.

— Терпимо, — отозвалась она, вспоминая тряску и противно шипящий двигатель.

Кстати, шофер справился с багажом и теперь топтался на месте, явно чего-то ожидая.

— Мы уже заплатили ему, — шепнула Ада, скосив глаза.

Курт с досадой прищелкнул языком и потянулся к карману пиджака. Когда получивший выпрошенные чаевые жадный шофер убрался, Ада посмотрела на подошедшую женщину в шляпе с вуалью. Темно-зеленое платье слишком плотно облегало ее фигуру.

— Позволь представить баронессу фон Шенхаузен, — спохватился Курт. — Баронесса, это фрау фон Апфельгартен и герр Маннер.

Так это супруга, то есть теперь уже вдова, хозяина замка.

— Приятно познакомиться, — произнесла женщина приятным низким голосом.

— Примите наши искренние соболезнования, — сказала Ада. — Такая утрата.

Йозеф буркнул что-то невнятное, но явно с сочувствующими нотками.

— Благодарю. Все так ужасно, — продолжала баронесса ровным тоном, глаза ее были сухи. — Непонятно, как быть с ярмаркой, у нас почти все готово. Думаю, инспектор разберется с тем, кто это сделал. А пока позвольте показать вам комнаты.

— Надеюсь, мы вас не стесним, — сказала Ада.

— Нисколько. Второй этаж для гостей занят, зато у нас есть прекрасная пристройка. Там довольно холодно зимой, но летом просто замечательно. Оставьте багаж, его принесут.

Ада встревоженно глянула на Курта, но тот жестом показал идти за баронессой. Она без умолку болтала о пустяках всю дорогу, начиная от погоды и заканчивая тем, сколько еще нужно нанять человек на ярмарку. Приходилось соглашаться и кивать. Йозеф шел чуть позади и молчал.

Путь пролегал по длинным коридорам, устланными мягкими ковровыми дорожками, которые сменялись лестничными площадками. Поднявшись по ступеням, они оказались на втором этаже, свернули налево, прошли сквозь длинный и узкий коридор, миновали арку и остановились в квадратном холле.

— Вот, фрау фон Апфельгартен, герр Маннер, — сказала баронесса, — здесь четыре комнаты. Они одинаковые, выбирайте любые. За пятой дверью небольшая гостиная, мы зовем ее Крайней. Рядом ванная комната. Надеюсь, вам будет удобно. Обед в четыре часа.

— Благодарю, госпожа баронесса, — наклонила голову Ада, а потом посмотрела прямо в глаза вдове. — Если я смогу чем-то помочь, вы только скажите. Я глубоко сочувствую вашей утрате.

Она моргнула, и серо-голубые глаза чуть увлажнились.

— Спасибо, — сказала она, губы дрогнули в кривой улыбке.

— Каково, а? — присвистнул Йозеф, когда баронесса ушла. — Думаю, у нее еще шок. Ведь барона убили вчера ночью, да?

— Вроде бы, — откликнулась Ада, подходя к ближайшей двери и открывая ее. — Курт расскажет больше. Распакую багаж и поищу его.

— Если удастся поговорить, — возразил Йозеф, дергая соседнюю дверь. — Наверняка у него хлопот полон рот. А хозяйка всерьез решила устроить ярмарку вместо похорон? О, выглядит неплохо!

Последнее наверняка относилось к комнате. Ада осмотрела свою и нашла ее уютной, несмотря на старую, местами облупившуюся и потрескавшуюся мебель и большую безвкусную картину с пасторальным пейзажем на стене. Зато на

всех поверхностях — ни пылинки, большое окно выходило на грушевый сад, а постельное белье было чистым и свежим. Горничные тут работали на совесть.

Умывшись и переодевшись, Ада вышла на поиски Курта. Ей казалось, что она хорошо запомнила дорогу из пристройки, где находились комнаты, однако пару раз свернула не туда, и пришлось возвращаться. Когда она вертелась на лестнице, на помощь пришел пожилой хорошо одетый господин с длинными седыми усами и великолепной осанкой. Наверное, один из гостей.

— Здесь нетрудно заблудиться, — сказал он, предлагая руку. — Позвольте я провожу вас, фрау…

— Фон Апфельгартен, — улыбнулась Ада.

— Граф фон Меренберг к вашим услугам.

Казалось, он еле удержался, чтобы не щелкнуть каблуками.

— Полагаю, вы супруга инспектора? — продолжил он, пока они спускались по лестнице.

— Да. Жаль, что и его, и меня привело в этот прекрасный замок несчастье, — ответила Ада, покривив душой насчет замка.

— Не то слово, — помрачнев, откликнулся граф. — Мы возлагаем большие надежды на вашего мужа. Меня уверили, что он лучший в своем деле. Необходимо выяснить, кто посмел совершить двойное преступление. Иначе, боюсь, нас ждут большие неприятности.

Двойное? Ах, да, украли еще какую-то реликвию. Вероятно, очень ценную. Но в остальном… О чем говорит фон Меренберг? Что за «мы»? Ада очень хотела расспросить его, но постеснялась. Хватало и того, что она шествует по замку барона под руку с графом.

Они дошли до большого холла, за который начиналась прихожая, и провожатый, поклонившись, оставил Аду и пошел по своим делам. Приятный господин, наверняка бывший военный. Сколько же ему лет? Не меньше семидесяти, но как держится.

С этими мыслями Ада вышла из замка и неуверенно огляделась. От нее мало толку. Следовало отыскать дворецкого или кого-то из слуг и попросить найти Курта. Но не успела она юркнуть обратно, как раздался шум приближающегося паромобиля. Прищурившись, Ада ждала, пока тот подъедет, и не заметила, как к ней подошел мужчина.

— Кого еще несет? — пробормотал он и тут же спохватился. — Простите. Вы ведь фрау фон Апфельгартен, верно?

Ада ответила утвердительно, разглядывая собеседника. Среднего роста, коренастый, седые волосы, небрежно схваченные лентой на затылке, но молодое лицо с крупным породистым носом и прозрачными серо-голубыми глазами. Она видела похожие совсем недавно.

— Гюнтер фон Шенхаузен, — сказал мужчина, развеяв сомнения. — Видимо, новый барон. — И он сделал широкий жест рукой, словно очерчивая теперь уже свои владения. —

Но я хотел бы знать…

Ада не успела высказать уже вертевшиеся на языке соболезнования. Паромобиль резко затормозил, подняв облако пыли, и из него выскочил еще один молодой человек. Не обращая внимания на Аду и барона, он кинулся помогать шоферу разгружать багаж, состоящий из двух увесистых на вид чемоданов. Закончив с этим, он расплатился и наконец-то повернулся.

Наверное, ровесник Гюнтера, или помладше, около тридцати, решила Ада, только выше ростом, стройнее и с тщательно зачесанными назад темными волосами. С приятного смуглого лица смотрели неожиданно яркие зеленые глаза. Смотрели с беспокойством.

— Доброе утро, господа, — с легким акцентом сказал он и отвесил короткий поклон. — Меня зовут Луиджи Каппони. Я прибыл по приглашению…

— Ах, да, — не очень вежливо прервал его Гюнтер. — Эксперт из Сардинии. Мы ждали вас вчера.

Гость, казалось, не заметил неучтивости встречающего, только судорожно сглотнул.

— Прошу прощения, син… герр…

— Фон Шенхаузен. Сын покойного барона.

Луиджи Каппони замер с открытым ртом, но быстро пришел в себя.

— Господи, какое несчастье, — быстро произнес он. — Я и не знал… Как же так… Видите ли, герр фон Шенхаузен,

дирижаблем, на котором я должен был лететь, сломался. Поэтому пришлось сесть на другой. Надеюсь, я не доставил вам неудобств.

Гюнтер зачем-то посмотрел на Аду, будто ожидая от нее подтверждения случившегося с дирижаблем, а затем снова уставился на Луиджи Каппони, словно размышляя, что с ним делать. Похоже, сын покойного не отличался сообразительностью.

— Думаю, нет, герр Каппони. Благодарю за сочувствие. — Он почесал затылок, еще больше взлохматив его. — Я позову слуг, они отнесут ваш багаж в… А, проклятие, комнату же отдали инспектору. Надо найти маму.

Ада увидела, как глаза Луиджи Каппони забегали.

— Инспектор? — переспросил он, и акцент стал сильнее. — Полиция?

— Инспектор жандармерии фон Апфельгартен, — сказал Гюнтер и показал на Аду. — Вот, позвольте представить его супругу.

— Но… — сквозь любезную улыбку Луиджи Каппони просвечивала почти паника. — Зачем?

— Он ищет убийцу отца и вора, — вздохнул Гюнтер.

Теперь паника стала явной, а смуглая кожа гостя побледнела, казалось, он сейчас упадет в обморок.

— Вам плохо, синьор Каппони? — спросила Ада.

— Ничего, — выдавил тот, вытирая лоб. — Я… устал. Мне нужно отдохнуть с дороги.

— Да-да, я сейчас найду маму, и вас проводят в комнату, — засуетился Гюнтер. — Проходите же, присядете в гостиной.

Он толкнул дверь, выкрикивая какого-то Альберта, вероятно, дворецкого. Луиджи Каппони семенил за ним.

— Вы не знаете, где я могу найти инспектора? — быстро спросила Ада, тоже заходя внутрь.

— А… Он, наверное, в кабинете отца. Мы устроили там что-то вроде… допросной, — ответил он, с неудовольствием выговорив последнее слово.

Ада хотела спросить, где найти кабинет, но Гюнтер уже быстро тащил Каппони в Большую гостиную, которая находилась справа от холла, а бежать за ними было неловко. Ада почувствовала раздражение. Ей нужен гид по этому чертову замку!

К счастью, ей снова повезло. Не успела она протоптаться в холле и пяти минут, как слева, уже из другой двери показались баронесса и Курт. Видимо, на ее лице отразилось такое облегчение, что муж усмехнулся.

Оказалось, он действительно был в кабинете покойного барона и беседовал с его женой. Она выглядела расстроенной и вытирала глаза платочком. На рассказ Ады о новом госте она отреагировала куда энергичнее, чем ее сын. К ней вернулась словоохотливость.

— Вы не против, герр инспектор, переехать ближе к супруге? А в вашей нынешней комнате мы поселим герра Кап-

пони. Надо же, как неудачно получилось с перелетом.

— Я бы сказал, неудачно вдвойне, — раздался скрипучий голос, и в холле появился еще один человек с крупной бородавкой на носу, пожилой и чуть сгорбленный. Не чета графу фон Меренбергу, хоть и примерно одного с ним возраста.

Ада не удивилась, что новый гость тоже оказался графом, Иоганном фон Ауэршпергом, прибывшим из владений где-то в Штирии.

— Венец похищен, Лютер убит… Простите, баронесса, — сказал он, но в голосе промелькнуло мрачное удовлетворение. — Унии конец, и никакой сардинский эксперт тут уже не поможет.

— Барона, увы, не вернешь, — спокойно согласился Курт, в то время, как у Ады, заболела голова от непонимания происходящего. — Но венец Луки найти в моих силах. Как и поймать убийцу.

И без того некрасивое лицо графа фон Ауэршперга сморщилось, будто он проглотил лимон целиком.

— Магистр больше желает вновь обрести венец, чем избавить нас от того, чтобы подозревать друг друга, — проскрипел он. — А кто я такой, чтобы противиться его воле? Хотя я уверен, что вор и убийца — один и тот же человек.

— Или вы снова что-то не поделили, и кто-то из вас прикончил моего мужа, — с неожиданной злостью сказала баронесса.

На это граф успел только открыть рот, но хозяйка зам-

ка уже звала слуг, чтобы те занялись вещами Курта и Луиджи Каппони. Обескураженный граф скоро удалился, бормоча себе что-то под нос.

— Ты всех видела? — тихо спросил Курт, касаясь талии Ады и разворачивая ее в сторону двери, откуда они до того вышли с баронессой.

— Всех? — переспросила Ада, растирая рукой висок. — Два старика, красивый и безобразный, рассеянный седой сын покойного и нервный сардинец. Но я не понимаю, что за собрание аристократии со всех уголков страны. Не ради же ярмарки они явились.

— Значит, осталось двое, то есть трое, — не утешил ее Курт. — Сейчас я должен допросить барона де Надашди. Обещаю, что до обеда больше никого. А после, надеюсь, мы поговорим.

— Да уж хотелось бы, — буркнула Ада, наслаждаясь несмотря ни на что обществом мужа. — Де Надашди? Венгр?

— Непростой венгр, целый пэр из Будапешта, — усмехнулся Курт. — На вечер я оставил князя из-под Реца и совсем уж по сравнению с нынешним обществом мелочь — парнишку из Богемии, который привез венец.

— Вот как. Тогда я ожидаю занятной истории. Но пока мне нужен провожатый по замку. Я боюсь заблудиться.

— А где Йозеф?

— Если бы я знала, — пожала плечами Ада. — Не исклю-

чено, что просто спит. Всю дорогу жаловался, что мы рано встали.

— Попрошу баронессу выделить тебе кого-нибудь из горничных. Заодно послушаешь местные сплетни.

Ада подумала, что наверняка уже все в замке знают, что она жена инспектора, и вряд ли будут откровенничать. Но в одиночку она точно заплутает. Для начала надо запомнить, где кабинет для допросов, и путь от своей комнаты до холла внизу. Хорошо, что Курт будет ночевать рядом, особенно если расследование затянется. А что-то в настроениях, витающих в воздухе замка, подсказывало, что так и будет.

Когда Ада вместе с Куртом подошла к массивной двери кабинета, там уже топтался средних лет мужчина в модном двубортном сюртуке глубокого серого цвета с золотистой окантовкой вдоль полы и зауженных рукавов. Вроде бы похожий приобрел император или эрцгерцог. Ада помнила фотографии в газете.

На бледном высокомерном лице щеголя красовались пышные усы пшеничного цвета, а светлые волосы были зачесаны чуть на бок и покрыты воском. Он вежливо, но молча поклонился Аде и открыл дверь, будто приглашая инспектора пройти в кабинет первым. Видимо, тот самый венгерский пэр. Наверняка блеснувшая цепочка от часов была усыпана бриллиантами. Пока все аристократы, по какой бы причине они ни собрались в Шенхаузене, делились на модников и небрежно одетых.

Еще немного постояв у кабинета, Ада отправилась на поиски бальной залы, чтобы полюбоваться на картины и новую люстру. По словам Курта, это настоящие достопримечательности замка. Неожиданно тут же обнаружился Йозеф, который вовсе не спал, в компании с еще одним молодым человеком.

— Тетя Ада, — воскликнул пасынок, когда она приблизилась. — А я тебя потерял. Познакомься с герром Витковичем, то есть Радеком, и посмотри на это полотно. Радек, это моя мачеха. Фрау фон Апфельгартен.

Новый приятель Йозефа вежливо улыбнулся и наклонил голову. Русые волосы, стянутые в хвост, добрые светло-карие глаза, вздернутый нос, усыпанный веснушками. Ничего примечательного и уж тем более аристократического. Кто же он? Уж не дворецкий или эконом. Хотя с Йозефа станется.

— Великолепно, да? — продолжал Йозеф, указывая на картину. — А какая детализация.

Пасынок никогда не разбирался в живописи, однако хорошую работу оценить мог. Да и здесь сложно было не восхититься. Вроде бы обычная сцена охоты, каких везде много. Но что лица людей, что морды собак и других животных художник изобразил с такой достоверностью, что они напоминали новейшие фотографии. Если их раскрасить, конечно.

Больше всего Аду поразил кабан. Не похожий на свина-переростка, какого часто увидишь в подобных сюжетах, а настоящий, яростный зверь. Художник не скрыл ни щетину,

вставшую дыбом на могучей спине, ни пену у мелких клыков, ни умную, почти человеческую ярость в крошечном глазу-бусинке. Все полотно дышало не приглаженным романтизмом, а почти осязаемой правдой момента, выхваченного из жизни и застывшего на холсте. Казалось, если постоять рядом подольше, то можно услышать яростный лай, тяжелое дыхание охотников и даже тревожный шепот леса.

— Поразительно, — сказал Ада и огляделась в поисках других картин. В огромной зале их было не меньше десятка.

— Тут есть даже сюжет о том самом Луке. — Йозеф махнул рукой куда-то в сторону угла. — Но Радеку сейчас не очень приятно на него смотреть.

— От чего же? — рассеянно пробормотала Ада, взгляд которой уже притянул яркий натюрморт.

— Так венец же украли, — укоризненно напомнил Йозеф.

Ада уставилась на него, затем посмотрела на поникшего Радека и внезапно поняла. Курт говорил о каком-то парнишке, привезшим реликвию из Богемии! Надо думать, это он и есть.

— Ужасное происшествие, сочувствую вам, — сказала она. — Убийство, конечно, еще хуже, но, я так понимаю, вы в некотором роде отвечали за венец, герр Виткович.

Вроде бы она верно запомнила фамилию.

— Мой прадед-барон поручил мне ответственное задание, а я провалил его, — грустно ответил Радек. — Он снова будет угрожать лишить меня наследства.

— Представь, тетя Ада, — предвосхитил ее расспросы Йозеф, — барону Витковичу девяносто восемь лет. Настоящий долгожитель!

Вот оно что. Не дворецкий и не эконом, а дальний потомок старого богемского аристократа, который никак не хочет умирать и освобождать титул. Наверняка, успел пережить всех детей и внуков. Но зачем понадобилось привозить реликвию? Передать местному приходу или кому-то из фон Шенхаузенов?

— Плохо так говорить, но многие предпочли бы, чтобы деду досталось здоровья чуть поменьше, — поморщился Радек. — Мой отец скончался в позапрошлом году во Франции. Мы там жили, до того, как пришла весть, что наша линия — единственные наследники.

Ада выдержала скорбную паузу и, кашлянув, уверенно произнесла:

— Мой муж найдет венец, можете не сомневаться. Он ведь представляет больше религиозную ценность, чем денежную?

Радек почему-то замялся, а Йозеф сделал большие глаза и качнул головой. Ясно. Тему лучше не поднимать. Но, похоже, не все чисто с этой реликвией. Курт вытянет из богемского гостя гораздо больше.

— Предлагаю выйти в сад. Здесь же есть сад? — нарочито бодро сказал Йозеф.

— Конечно, — отозвался Радек. — С прекрасными ябло-

нями и клумбами.

— Вы идите, а я поднимусь в комнату, — улыбнулась Ада.

Уходя, Радек кинул на нее непонятный взгляд, разительно отличающийся от того, как он смотрел раньше. Словно хотел что-то понять или оценить. Слишком острый и проницательный взгляд для такого молодого человека.

Дождавшись, пока они уйдут, она все же подошла к картине с венцом. Знавшая Святое писание лишь в рамках старшей школы для девочек, Ада тем не менее поняла, что юноша в древних доспехах на переднем плане и есть Лука. Художнику удалось передать позу усталости и отчаяния, на смену которым вот-вот придет надежда. Будущий святой сидел на обломке скалы, его шлем с плюмажем лежал в пыли у ног, а руки, сжимавшие рукоять меча, были больше похожи на руки изможденного пахаря, чем воина. Напротив Луки находился ангел в легких светлых одеждах, струящихся за ним, словно там, за рамой, дул легкий ветерок. Он протягивал к юноше руки, держа над его головой тонкий обруч, украшенный зелеными камнями. Малахит? Или изумруды? И насколько этот нарисованный венец отражал вид настоящего?

Ада чуть наклонила голову, всматриваясь в фигуры. Ангел, несмотря на нежный свет, охватывающий его, не излучал всепрощающего умиротворения, как многие его собратья у большинства художников. В его тонких, напряженных пальцах, держащих венец, ощущалась стремительность и си-

ла. А взгляд больших, чуть раскосых глаз был не утешающим, а пронзительным и требовательным, словно он бросал вызов человеку, призывая подняться и вновь идти в бой. Этот взгляд падал не на зрителя картины, а прямо на Луку, связывая их в едином порыве.

Ада с трудом оторвалась от полотна, с интересом взглянула на подпись художника и хотела перейти к следующей картине, но поняла, что скоро наступил время обеда. Пора переодеваться. Только бы найти свою комнату без приключений.

Подходящее платье, а точнее блуза с юбкой, нашлись не сразу. Ада настолько разволновалась после звонка Курту и новости об убийстве, что забыла перебрать чемодан и только добавила туда пару легких платьев и лишнюю смену белья. Осознание, что она едет уже не на праздничное мероприятие, а в гости к семье в трауре, пришло уже по пути в замок. Впрочем, Йозеф вообще остался при том багаже, который привез из Вены. И если Ада в крайнем случае сможет доехать до дома за подходящим туалетом, то костюмы Курта пасынку будут велики.

Теперь же слишком яркий и жизнерадостный наряд за обедом мог вызвать непонимание. А ей очень не хотелось испортить отношения со здешним обществом. Это могло отразиться на работе Курта, на которого наверняка уже начали давить сверху. В итоге Ада остановилась на коричневой блузе и темно-зеленой юбке. Сочетание цветов как нельзя

лучше подходило для праздника Урожая, они были скорее приглушенными, чем яркими. А ведь она не хотела брать эту блузку, думая, что она слишком мрачная.

Дорогу в столовую она узнала у Курта только на словах, поэтому шла осторожно, останавливаясь в раздумьях перед каждым поворотом, аркой или лестницей. Так и опоздать недолго. Как бы сейчас пригодился очередной граф или барон, хорошо знакомый с замком.

Но вместо знатного провожатого, к изумлению Ады, ей попался белый кот. Он, держа что-то в зубах, быстро бежал вверх по лестнице, по которой она спускалась.

— Глазам своим не верю, — пробормотала она, останавливаясь. — Ты ведь Пушель? Или как там тебя… И что ты на этот раз украл?..

Больше всего добыча походила на скомканную бумагу с золотым тиснением. Ада присмотрелась к коту и убедилась в том, что права. Две лапки и кончик хвоста были рыжими. Вот так сюрприз! Неужели и хозяйка тоже здесь?

Пушель, не замедляя бега, ловко обогнул Аду и ускорился, заметив, что она подалась в его сторону.

— Не отберу я твою ценную находку, — пробормотала она и продолжила путь.

В столовой, которая выглядела немногим меньше бальной залы, собралось по ощущениям больше народа, чем проживало и гостило в замке. Возможно, от того, что все говорили одновременно, помещение больше походило на растрево-

женный улей, чем место для приема пищи. Ада с облегчением оперлась на руку встретившего ее Курта и опустилась на выдвинутый подоспевшим Йозефом стул. Муж сел рядом.

Похоже, все были в сборе. Во главе стола стоял пустующий стул с высокой резной спинкой. Видимо, новый барон счел пока неуместным занимать место главы семейства и скромно притулился рядом с матерью. Выглядел он менее рассеянным и небрежным, чем утром. Слева от баронессы сидел прямой и величественный граф фон Меренберг. А напротив, словно карикатура на него, разместился безобразный фон Ауэршперг. Щеголь де Надашди высокомерно щурил глаза на пустующий стул слева. Теперь на венгре красовался короткий коричневый сюртук, не менее роскошный, чем предыдущий.

Ада мельком окинула взглядом уже не бледного и трясущегося Луиджи Каппони, улыбающегося Радека Витковича и остановилась на незнакомом мужчине. Пожалуй, одних лет с Куртом, но лихорадочный румянец на щеках и яркие губы делали его моложе.

— Князь Готфрид фон унд цу Тешен, — шепнул муж, вероятно, увидев ее замешательство. — Я потом тебя представлю.

— А он не откажется есть со мной за одним столом без этого? — как можно тише спросила Ада, которая считала, что привыкла к куче знати вокруг. Но последняя фамилия все же заставила чувствовать себя лишней.

Когда подали первое блюдо, она вдруг вспомнила, что Курт говорил о князе из Реца. И, надо же какое совпадение, оттуда же ехала та девушка в поезде. С белым котом. Не успела Ада связать эти ниточки воедино, как раздался голос баронессы.

— Князь Готфрид, ваша дочь хорошо себя чувствует? Если она захочет, я пошлю ей обед в комнату.

— Благодарю, — отозвался тот таким тоном, будто разговор бы ему неприятен. — Она устала с дороги. Но к ужину обязательно выйдет.

— Как бы не так, — услышала Ада слишком громкий шепот нового барона фон Шенхаузена. — Милая Изольда нас всех просто презирает.

— Гюнтер, — громко и укоризненно оборвала его мать и повернулась к князю. — Прошу простить моего сына. Он скучал по невесте и немного обижен, что не может ее увидеть.

Откуда-то сбоку раздался смешок, но смельчак быстро замаскировал его под кашель. Кажется, граф фон Ауэршперг.

Ада глянула на Курта, тот только поднял брови. А вот Йозеф заметно побледнел. Не хуже сардинца несколько часов назад. Кажется, до пасынка дошло, о чьей дочери, да еще и невесте, он посмел мечтать и, мало того, надеяться на дальнейшие встречи.

Она так поздно приехала, хотя говорила, что ее должны встретить. Решила еще раз ускользнуть от традиций и про-

гуляться в одиночку?

— И почему ты всегда права? — услышала Ада сдавленный шепот Йозефа, когда унесли вторые блюда.

— Жизненный опыт, дорогой, — ответила она, пожимая плечами.

Хотя, видя тоску в глазах Йозефа, немного жалела, что не ошиблась.

— А вдруг это не она? — с надеждой шепнул он, косясь в сторону князя Готфрида, будто опасаясь, что тот услышит.

— Увы, я видела кота, — также тихо отозвалась Ада.

— Какого кота? — слишком громко спросил Курт, похоже, не разобравший, о чем они говорят.

— Белого. Он пробежал мимо меня.

— Это кот Изольды, — тут же сказал князь Готфрид. — Вечно сбегает и ворует.

— Обратите на него внимание, герр инспектор, — хохотнул Гюнтер. — Возможно, на его совести пропажа венца Луки.

Синьор Каппони подавился, наверное, не сразу уловив смысла шутки, кто-то сдавленно хмыкнул, а граф фон Меренберг насупился.

— Увы, я не смогу допросить кота, а тем более арестовать, — примирительно улыбнулся Курт.

— Я говорил ей взять котенка из лучшего питомника, а она притащила беспородного бродягу из прихода. Наш священник привечает животных, — сказал князь Готфрид и вы-

тер салфеткой губы.

— Британская кошка от родителей-чемпионов моей дочери ободрала и испортила дорогую мебель. Так что раз на раз не приходится, — отозвалась баронесса.

Разговор перекинулся на домашних животных, их породы, повадки и стал более оживленным и доброжелательным. Поданная еда была восхитительна, однако Ада с трудом дождалась конца обеда. Ей не терпелось провести время с мужем и наконец-то понять, что происходит в замке.

Глава 2

Курта не обманули шутки и беззаботная болтовня за обедом. К этому времени он прекрасно знал, насколько все напряжены и встревожены убийством барона Лютера фон Шенхаузена и кражей этого злосчастного венца. Но он также прекрасно знал общество, в котором его угораздило родиться. Они будут держать лицо и до последнего делать вид, что все хорошо, особенно если рядом посторонние с их точки зрения люди. Только поведение сына покойного барона удивило Курта, но он наверняка шокирован, как и баронесса. Не исключено ведь, что они искренне любили отца и мужа.

— Ох, не знаю, — заявила Ада на его рассуждения. — Преданная жена всерьез размышляет о проведении ярмарки вместо похорон.

Они шли по посыпанной гравием дорожке, петляющей среди яблонь с пышными кронами, уже унизанных красноватыми плодами. Скоро они созреют, и из них получится отличный сидр.

— Они здесь не только ярмарки устраивают, — зевнул Курт, отвлекаясь от яблок. Вчерашний, да и сегодняшний день выдались тяжелыми. — Тебе не удивило, зачем несколько людей съехались со всех концов империи? Ведь у них и на месте полно разных развлечений.

— Еще как! — воскликнула Ада. — Старый граф, кото-

рый безобразный, говорил о какой-то унии. А сардинца Гюнтер назвал экспертом. Кстати, он странно выглядел, когда приехал. Услышал об инспекторе в замке и об убийстве, побледнел и затрясся, как заяц.

Курт усмехнулся про себя. Ада полдня в замке, а уже успела кое-что заметить. Не жена, а напарник. Жаль, что нельзя оформить ее в жандармерию.

— Как интересно. Я поговорю с ним после нашей прогулки. Он действительно в каком-то роде эксперт. Носитель магического дара. Состоит у себя в Королевском археологическом обществе. Проще говоря, распознает выкопанные волшебные артефакты.

— Венец Луки, — кивнула Ада. — Полагаю, он приехал за ним.

Курт вздохнул и, осмотревшись, указал рукой туда, где деревья росли гуще, а кустарники были не так тщательно прорежены и пострижены. Так меньше шансов наткнуться на чужие уши, которые могут оскорбиться некоторым оценкам их носителей.

— Здешние гости и покойный хозяин не просто высшая знать, а члены духовно-рыцарского ордена. Мечники Христовы. Может, слышала?

Курт помнил, что первый муж Ады был историком. Она наморщила лоб.

— Если и слышала, то забыла. Я считала, что эпоха орденов ушла. Вместе с рыцарскими турнирами, крестовыми по-

ходами, заговорами королей и чрезмерной религиозностью.

— Смотри, не скажи это архиепископу Венскому и епископу Виммеру из Санкт-Пельтена, — засмеялся Курт. — Последний, оказывается, тоже член ордена. Один из них уже звонил вчера комиссару, а тот мне.

Он поморщился, вспоминая разговор и сетования на то, какая наглость и кощунство покуситься на столь знатную особу и похитить реликвию. И если жандармерия не найдет тех, кто это сделал, то им всем в пору отправляться в отставку и на свалку.

— Бедняга, — правильно истолковала его молчание Ада. — Епископ в ордене означает, что придется работать много и долго. Или надеяться, что кто-то не вынесет мук совести и сознается.

Перед Куртом пронеслись лица обитателей замка. Ох, вряд ли.

— Само собой, сегодня Мечники Христовы уже не те, что несколько веков назад. Им без малого восемьсот лет, кстати. Конечно, они до сих пор занимаются благотворительностью, строят больницы и школы, владеют фермами, виноградниками и зданиями. У них даже есть торговый флот. Но все же это скорее хобби для аристократов, членство в ордене вопрос большого престижа. И тем более звание командора.

— Вроде Императорского конного клуба, куда недавно вступил твой брат? — спросила Ада.

— Вроде того, — согласился Курт, вспоминая, как пы-

жился Эрих. — Ярмарку финансирует орден, у которого есть своя казна. Фон Шенхаузенов не хватило бы на ежегодное крупное и богатое дорогими аттракционами мероприятие. Одни рыцарские показательные бои чего стоят.

— Мне они всегда нравились, — заметила Ада.

— Многие командоры, именно они сегодня здесь собрались, — продолжал Курт, — не последние люди в политике. Тот же де Надашди и фон Ауэршперг, твой безобразный граф. А Пауль фон Меренберг, магистр ордена, был попечителем фонда императрицы.

— Он довольно в летах, — сказала Ада и потянула Курта к яркой клумбе.

— Намекаешь на то, что кто-то из командоров метит на его место после ухода? — хмыкнул он. — Угадала. Они все. А особенно рьяно покойный барон Лютер и венгерский пэр.

— Думаешь, за это его и убили? Баронесса что-то похожее предъявила безобразному графу… Господи, никак не запомню его имя.

Курт навострил уши. Если вдова при жене инспектора жандармерии отважилась бросить прямое обвинение, дело плохо. Для подозреваемых само собой. Для расследования же чем быстрее у них сдадут нервы, и они начнут ошибаться и говорить, тем лучше. Курт вспомнил вчерашние и сегодняшние допросы, и у него заныли зубы. Он даже не услышал, о чем говорит Ада.

— Прости, дорогая, задумался.

Она смешно и мило сморщила нос, как всегда делала, когда немного обижалась, и Курт тут же забыл строптивых графов и баронов.

— Что за уния, дорогой? Неужели скоро сюда нагрянет порция знати из еще какого-нибудь ордена?

Курт шумно выдохнул и неожиданно для себя рассмеялся. Ему следовало раньше устроить перерыв и прогуляться с Адой.

— А уния и есть мотив убийства и кражи. Я почти уверен.

Курт постарался вкратце рассказать Аде то, что успел узнать от магистра фон Меренберга и всезнающего Иштвана де Надашди.

Примерно триста лет назад многочисленные и могущественные Мечники Христовы столкнулись с внутренними противоречиями. Многие считали, что старый устав пора менять. Вокруг поднимал голову прорыв в науке и искусстве, появлялись новые технологии, менялись законы, давно устоявшиеся порядки и очертания стран на картах. Молодые и прогрессивные командоры схлестнулись с ревнителями изначальных порядков и хранителями традиций. И дошли до того, что орден раскололся на западную и восточную ветви. Первая осела на острове Сардиния, на котором потом не без их помощи образовалось независимое и богатое королевство. А вторая осталась в Австрии, а затем в империи, и приняла новый устав.

— И чем же они отличаются? — поинтересовалась Ада,

которая очень внимательно слушала.

— Мне его никто не покажет, само собой, — весело сказал Курт. — Но как я понял, дело касалось новых членов, женщин и наследственных должностей внутри ордена. Подробности замолчали, но раз уж приехал Луиджи Каппони, то расспрошу его.

И жил орден разделенным еще три века, пока, наконец, магистр Пауль фон Меренберг не собрал капитул и не удивил командоров тем, что планирует унию с западной ветвью. Сейчас Мечники Христовы людьми не богаты, хорошо, если тысяча со всей империи наберется. И немногим меньше на Сардинии. Поэтому кто-то из магистров орденов посчитал, что пора оставить разногласия в прошлом и пойти на уступки. Никто не знал, кто именно.

Однако одно дело рушить, совсем другое договориться и построить. Магистры вяло переписывались примерно с год или два, слали друг другу курьеров с условиями и подарками на Рождество и Пасху. Дело сдвинулось после прошлого нового года, стороны пришли к согласию. Западная ветвь принимает основные пункты устава восточной, и ее магистр складывает полномочия. Имперский орден, в свою очередь, передает на хранение сардинцам реликвию, венец Луки, в знак примирения и согласия.

— Даже не знаю, кто больше выиграл, — покачала головой Ада, присела рядом с клумбой и потрогала кончиками пальцев цветы. — Западный орден принял ненавистный ко-

гда-то устав, но приобрел ценную вещь. Получается, синьор Каппони приехал, чтобы подтвердить подлинность венца? Он действительно волшебный? Может накормить голодных и превратить воду в шнапс?

— Боюсь, нынешний орден не знает. Пользоваться реликвией в личных целях строго запрещено.

— Луиджи Каппони тоже член ордена?

— Полагаю, что да, — кивнул Курт, приподнял на коленях брюки и тоже присел рядом с Адой. — Барон Карел Виткович из Богемии носит гордое звание Хранителя Реликвий ордена. Ему под сотню лет, поэтому венец привез его правнук, Радек.

— Единственный оставшийся в живых наследник, — задумчиво сказала Ада, — следующий в очереди на съедение у старого деспота.

— Он так сказал? — поднял брови Курт.

— Конечно, нет, я прочла между строк. Кстати, он сдружился с Йозефом. Бог знает, что они друг в друге нашли.

Курт вспомнил, что хотел кое о чем попросить пасынка Ады. Часы на башенке замка пробили шесть часов пополудни, пора было приниматься за работу.

— Быстро время бежит, — с осадой пробормотала Ада, когда Курт помог ей подняться. — Так что с убийством? Ты считаешь, что венец украл командор, который был против унии? И барона убил он же?

Не обязательно командор, подумал инспектор, когда они

с женой шли к замку. Тот же молодой Виткович, домочадцы барона Лютера, слуги... Хотя нет, слуги вряд ли знали про венец и не осмелились бы так дерзко прикончить хозяина. Скорее подсыпали бы мышьяк в суп. А сардинец и дочь князя Готфрида не могли, приехали позже. Хотя Каппони почему-то испугался, узнав про расследование убийства...

— Курт, я же не сказала тебе про Йозефа и Изольду, — поспешно сказал Ада. — Может, это неважно, но...

Она замолкла, потому что к ним спешил дворецкий.

— Инспектор фон Апфельгартен, вам звонок из жандармерии, — сообщил он.

Курт с улыбкой посмотрел на Аду и покаянно прошептал «Прости». Он очень надеялся, что она не заскучает и найдет занятие до вечера, а утром они что-нибудь придумают. Аде необязательно торчать в замке до самой ярмарки. Если она состоится, конечно.

Хвала всем святым, звонил не комиссар, а один из младших офицеров. Поступили вести из Богемии, куда инспектор отправил запрос вчера, после допроса Радека Витковича, большую часть которого тот молчал, как рыба. Что ж, придется с ним поговорить еще раз. Курт выслушал новости, кратко поблагодарил и повесил трубку. Затем огляделся и позвал Альберта, дворецкого. Тот выплыл из соседней комнаты, словно ждал распоряжений.

— Найдите синьора Луиджи Каппони и пригласите в кабинет. И еще пусть герр Виткович подойдет туда же через...

полтора часа.

— Все будет исполнено, герр инспектор, — важно отозвался дворецкий, и Курту показалось, что он доволен. Это было странно, ведь Альберт, как истинный слуга высокопоставленных хозяев должен был презирать незнакомцев, вторгшихся в их дом.

— Я не слишком вам надоедаю, Альберт? — спросил Курт, чуть улыбнувшись.

— Что вы, герр инспектор, — отозвался тот, еще больше выпрямившись и сделавшись похожим на графа фон Меренберга. — Мой добрый хозяин убит, баронесса и молодой барон в отчаянии. Вы ищете убийцу, я к вашим услугам.

Добрый? Курт озадаченно посмотрел вслед пожилому дворецкому. После разговора с подозреваемыми, особенно командорами, создавалось другое впечатление о покойном. Впрочем, прямо никто ничего не говорил, так, пару раз сморщились и поджали губы. А для Альберта доброта могла означать то, что Лютер фон Шенхаузен хорошо ему платил.

Луиджи Каппони явился через несколько минут после того, как Курт уже привычно расположился за длинным старинным столом в кабинете. Сардинец был спокоен и собран, ничего похожего на то, о чем говорила Ада. Хорошо сидящий на нем светлый костюм выглядел новым и пошитым у хорошего портного.

— Герр инспектор? — Он присел на стул напротив стола. — Чем могу служить?

— Для начала попрошу ваши документы, синьор Каппони, — сказал Курт, протягивая руку. — Обычная формальность для иностранцев.

Сардинец понимающе кивнул и полез в нагрудный карман.

— Луиджи Каппони, — прочитал вслух Курт имя в маленькой книжечке. — Вы родились в Королевстве Сардиния?

— Да, герр инспектор. Мой отец — маркиз Санта-Леоне, — последнюю фразу он произнес с неохотой, будто не хотел затрагивать тему.

— Вы наследник титула? — уточнил Курт.

Каппони только кивнул, на этот раз скривившись. Инспектор усмехнулся про себя. Видимо, в семейных отношениях маркизы Санта-Леоне ничуть не лучше богемских Витковичей. Или же Луиджи не любил, когда упоминали его происхождение. Много молодых людей, достигнув успехов в жизни без помощи богатых или знатных родителей, практически отказывались от родовых имен. Курт молодым уже не был, однако в своей профессии добился повышений и нынешней должности исключительно стараниями и упорством, без протекций семьи.

— Ваш отец член ордена Мечники Христовы? — спросил Курт, чтобы получить подтверждение своим сомнениям.

— Да, — коротко и резко ответил Каппони.

И наверняка посодействовал тому, чтобы сына с редким

в нынешнее время даром приняли в Королевское археологическое общество.

— Итак, вы приехали по особому заданию. Проверить подлинность реликвии, которую должны передать вашему ордену в честь унии?

— Все верно.

— Королевство Сардиния вы покинули двадцать второго июля, — развернул инспектор сложенную вчетверо испещренную печатями бумагу, — а в империю въехали двадцать четвертого. Я слышал, какие-то неприятности в дороге?

— Самый быстрый дирижабль отменили из-за поломки, — чуть покраснел Каппони. — Я вынужден был лететь на другом, а потом добираться поездами. Крайне утомительно, знаете ли.

— Понимаю, — отозвался Курт. — Получается, вы не успели бы на капитул, если бы он состоялся.

— Увы, — пожал плечами Каппони. — Но взглянул бы на венец и позже, если бы его не украли.

Он говорил безупречно, иностранца выдавал только небольшой акцент.

— Я попрошу подробно расписать ваше путешествие. Можно позже, потом просто передадите мне бумагу.

— Зачем? — удивился сардинец и с вызовом задрал подбородок. — Барона фон Шенхаузена убили в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое. Я не имею отношения ни к его смерти, ни к краже реликвии.

Теперь он заметно нервничал. Курт откинулся на спинку стула и обезоруживающе развел руками.

— Я обязан все проверить, чтобы потом включить в отчет, — сказал он. — Полагаю, его прочтет не только комиссар жандармерии, но и епископ Виммер из Санкт-Пельтена.

Про архиепископа Венского он решил промолчать, чтобы не спугнуть очередного подозреваемого раньше времени. Сардинец сглотнул и мрачно уставился на инспектора.

— Хорошо, я напишу, что вы хотите, герр инспектор, — пообещал он. — Могу я попросить об ответной услуге? Расскажите, что произошло ночью во время охоты.

— Разве вам не у кого было спросить об этом? — удивился Курт.

Хотя такой интерес ему на руку. Возможно, сардинец, в отличие от местных, будет более словоохотлив и натолкнет инспектора на полезную мысль или идею.

— Магистр фон Меренберг представил меня командорам и остальным гостям. Но поговорить удалось только с Гюнтером фон Шенхаузеном. А он в охоте не участвовал.

— Вряд ли можно назвать тот выезд охотой, — сказал Курт, когда тщательно переписал сведения из документов сардинца и вернул их ему. — Скорее совещанием на свежем воздухе в живописной березовой роще, пикником.

Когда Курт с несколькими жандармами прибыл на место преступления, то подозреваемые уже успели разъехаться. Остались только хмурые и испуганные слуги, которые со-

бирали шатры и вещи. Они и стали первыми свидетелями.

От замка Шенхаузен до рощи полчаса конной езды, все приехали налегке. Взяли с собой ружья, сделали пару выстрелов по птицам, слуги приготовили дичь на ужин на открытом огне.

Магистр, командоры и Радек Виткович, не выпускающий ларец с венцом из вида, ночевали каждый в своем шатре. Все утверждают, что не было никаких споров и ссор, однако с утра барона Лютера нашли застреленным и истекшим кровью, а ларец пустым. Тело лежало немного в стороне от лагеря на небольшой прогалине. Ночью никто ничего подозрительного не слышал.

— Даже выстрела? — спросил Луиджи Каппони, удивленно поднимая брови.

— Барона застрелили из арбалета, — покачал головой Курт. — Предвосхищая следующий вопрос скажу: слуга герра Витковича клянется, что в шатер никто не заходил.

— Тогда венец украл или он, или сам герр Виткович, — быстро произнес Каппони. — Барон что-то видел, и они его убили.

Блестяще! Курту захотелось зааплодировать. Если бы каждое дело в его работе разрешалось таким простым образом, он бы уже занимал должность верховного комиссара. Или стал генералом. Пришлось спрятать снисходительную улыбку и сказать:

— Слуге с венца толку мало, он не смог бы на нем на-

житься. Вещь сильно приметная. Герр Виткович мог украсть его тысячу раз, пока вез в Санкт-Пельтен. — Курт вспомнил донесение из жандармерии. — В конце концов, после смерти старого барона звание Хранителя Реликвий перешло бы к нему. Чему вы улыбаетесь?

— Вас, вероятно, не поставили в известность, герр инспектор, — торжествующе начал Каппони, — что не все в восточном ордене согласились с унией. А пропажа венца Луки, да еще и таким вопиюще скандальным образом — верный способ сорвать капитул и дальнейшие переговоры.

— И кто же, по-вашему, больше всех не хотел унии? — осторожно спросил Курт, радуясь, что сардинец сам затронул тему.

Магистр и командоры на допросах все, как один, заверяли, что приветствуют столь долгожданное объединение. Но что им еще оставалось? Признаешься в противных настроениях — считай, первый подозреваемый в краже и убийстве. Только Иоганн фон Ауэршперг высказался об унии с некоторым скепсисом. Но сразу же оговорился, что разрастание ордена поможет ему в политической карьере. Он собирался выдвинуться депутатом в парламент от Штирии. Другой политик, пэр Иштван де Надашди, отзывался об унии восторженно, на взгляд инспектора, даже слишком.

— Мой отец считал, что здесь соединить ордена хотел только магистр фон Меренберг, — ответил Каппони. — Остальным пришлось смириться. Поэтому, если уж начисто-

ту, герр инспектор, случившееся меня нисколько не удивляет.

Хороша же репутация восточной ветви Мечников Христовых в Сардинском королевстве. Луиджи Каппони чересчур категоричный человек, раз считает, что между недовольством и убийством разница невелика. Командоры и Хранитель Реликвий могли сколько угодно злиться на магистра и не любить западный орден, но пойти на прямое неприкрытое преступление — это совсем другая история. Для людей их положения нужен очень весомый мотив.

Отпустив сардинца, Курт стал дожидаться Радека Витковича. Последнего в списке предварительного допроса. И с учетом новых сведений вполне возможно, что первого в следующем: наиболее вероятных подозреваемых. Пока в краже.

Инспектор полистал толстый блокнот, куда записал то, что ему рассказали остальные свидетели. Радеку Витковичу двадцать один год, он правнук богемского барона Карела Витковича, носителя гордого звания Хранителя традиций и Реликвий. Молодой член ордена привез венец Луки на капитул и охранял его, как зеницу ока. Очень старался не выпускать из виду запертый ларец. Присутствовал на охоте, где убили барона Лютера, всю ночь крепко спал, по его, словам, как убитый, а с утра обнаружил, что ларец пуст. Сам ничего странного не видел и не слышал. По словам Ады, а точнее Йозефа, не любит прадеда, но крайне огорчен тем, что провалил первое важное поручение ордена.

Магистр и командоры молодого Витковича до этого никогда не видели, как и его отца, зато хорошо были знакомы с тем самым прадедом и тоже от него не в восторге. Князь Готфрид фон унд цу Тешен, казалось, искренне сочувствовал неудачливому Радеку.

— Проходите, герр Виткович, садитесь, — сказал Курт, отрываясь от записей.

Молодой человек с симпатичным веснушчатым лицом немного потоптался на пороге, затем последовал приглашению. На миг он поднял глаза на инспектора, словно оценивая его, а затем опустил их в стол.

— По пути из Праги вы сделали две остановки: в Брюнне и Вене, — без обиняков начал Курт, внимательно наблюдая за Витковичем. — Во время последней остановки к вам присоединился барон Лютер фон Шенхаузен, который и проводил вас до своего замка. Вы просили об этом?

— Нет. Он сказал, что у него дела в городе, — качнул головой Радек. — И еще, что так будет безопаснее.

— Вы с ним согласились?

Виткович вскинул голову и уставился на инспектора. В его глазах мелькнула хитрая насмешливая искра, но тут же исчезла. На Курта смотрел озадаченный мальчишка.

— Почему вы задаете такие странные вопросы?

— Ответьте, пожалуйста, — тихо и твердо сказал Курт.

Радек откинулся на спинку стула и пожал плечами.

— Ну, в итоге-то барон оказался прав, — произнес он.

— Я тогда сильно устал присматривать за ларцом и был рад помощи.

— Вы раньше бывали в Вене? Имеете какие-либо связи? С ювелирами, например?

— Нет! — воскликнул Радек. — Я жил во Франции, а из Богемии выезжал только в Мерен и то по учебе. Какого черта, герр инспектор?

Курт тоже хотел бы это знать. Однако возмущение Витковича было вполне искренним.

— Герру Голдфарбу, известному столичному ювелиру, в день, когда вы останавливались в Вене, заказали копию предмета, похожего на венец Луки, — сказал инспектор. — Заплатили за срочность и за сложность. В венце оказались редкие камни. Герр Голдфарб теперь сможет купить себе небольшой заводик или замок.

— А при чем здесь я? — прищурился Радек, нервно кусая губы. — Я первый раз слышу это имя.

— По описанию к ювелиру приходил человек среднего роста, лет около пятидесяти, хорошо одетый, с темными пышными усами и небольшой бородкой в испанском стиле. На нем был синий с бежевой отделкой сюртук и высокие сапоги.

— Эээ… Барон Лютер? — недоверчиво спросил Виткович, побледнев и завертевшись. — Н-но… Зачем ему это? Я не понимаю…

Казалось, он сейчас вскочит со стула и забегает по комнате.

— Вы уверены, что когда приехали в Шенхаузен, в ларце был подлинный венец Луки?

— Нет! Да! — Радек дернул воротник и тяжело выдохнул. — Понятия не имею. Но я не отходил от него… — Он испуганно замолк.

— То есть барон Лютер имел возможность подменить реликвию, — безжалостно высказал вслух его мысли Курт.

— Д-да, наверное. Я при нем открывал ларец и показывал венец. Он знал, где лежит ключ. В Вене я провел больше суток, отдыхал и гулял по городу.

Радек внезапно подскочил на месте и воскликнул:

— Этот ювелир просто дьявол какой-то!

— Всего лишь мастер своего дела, — возразил Курт, пытаясь решить в голове насущную загадку. Украл ли Радек Виткович венец, не зная, что он поддельный, и теперь возмущен фактом подлога? Или же был в сговоре с Лютером, знал о ювелире и инсценировал кражу, чтобы сорвать капитул и унию? А сейчас усиленно делает вид, что рассержен. В последнем случае подлинный венец Луки должен быть где-то рядом, в замке.

Расправившись с богемским юнцом, Курт потянулся к телефону и попросил соединить его с жандармерией Санкт-Пельтена. Необходимо раздать поручения, чтобы кое-что проверить. Положив трубку, он хотел связаться с епископом Виммером, но передумал. Наверняка тот сам позвонит комиссару, а там можно и о личной встрече попросить. Затем

инспектор покинул кабинет и отправился искать Йозефа.

Пасынок Ады обнаружился в бильярдной и не один. Когда Курт зашел, девушка, только что забившая шар, вскинула голову. Судя по всему, это и есть дочь князя Готфрида, хозяйка белого кота. Очень яркая особа, необычная и поэтому привлекательная для молодых людей.

— Добрый день, точнее, уже вечер. Фройляйн фон унд цу Тешен?

Она кивнула, а Йозеф отложил кий и настороженно посмотрел на инспектора.

— Только не говори, что собираешься допрашивать Изольду.

— Я хотел попросить тебя об услуге, — сказал Курт. — А формальности с фройляйн можно уладить и сейчас. Ее не было в замке в ночь убийства.

В углу раздалось чихание, инспектор круто развернулся и увидел еще одну девушку в темном платье, которая сидела в углу за маленьким столиком с дымящейся чашкой и читала книгу.

— Этта, моя камеристка, — объяснила Изольда, и та подняла глаза и улыбнулась, шмыгнув красным носом. — Вообще ей надо лежать, она схватила простуду при перелете. Но папа очень старомоден и хочет, чтобы рядом со мной кто-то был, если я общаюсь с мужчинами. — Она скривилась.

— Перелете? — зацепился Курт за слово. — Но мне казалось, что вы приехали на одном поезде с моей супругой и

Йозефом.

Пасынок Ады открыл рот, Изольда его опередила.

— Я боюсь летать, герр инспектор, — прямо сказала она. — Поэтому отправила Этту и багаж, а сама с Пушелем поехала по земле.

Так просто оплатила камеристке дорогой билет на дирижабль? Что-то тут не сходилось. Хотя, что он знает о благосостоянии фон унд цу Тешенов? Может, для них такие жесты в сторону слуг сущие пустяки. А Пушель, надо полагать, тот самый кот.

— Отец вызвал вас, фройляйн? Или жених?

— Нет, с чего бы, — посмотрела на него Изольда, вскинув подбородок, подняла стоящий на краю стола бокал и сделала глоток. — Вздумалось развеяться. Прогуляться. К тому же орден меня всегда интересовал, не то, что моих братьев. Но так как женщин не принимают, то приходится мириться с ролью зрителя. А тут такое событие, уния.

Ощущение, что Изольда не договаривает, усилилось. Чем сборище зануд и старикашек может заинтересовать молодую знатную девушку? Почитать о Мечниках Христова можно и в библиотеке, наверняка, в ее замке она богата книгами. Может, все же отец захотел видеть дочь рядом? Вроде глаз и ушей?

Интересная версия, но Курт бы скорее поставил на романтический интерес. И точно не к жениху. Князь Готфрид упомянул, что помолвка состоялась на договорной основе, но

Изольда и Гюнтер хорошо ладят.

Возможно, сердце Йозефа разобьется вдвойне, поскольку его даме нравится щеголь де Надашди или правнук богемского барона. Или же сардинский синьор, с которым она втайне переписывалась. Тогда становится понятным и замечание Гюнтера за обедом. Он обижен на ветреную невесту.

— С унией теперь сложно, — заметил Курт. — И раз уж у нас разговор не для протокола, то спрошу прямо. Кто, по-вашему, убил барона, фройляйн фон унд цу Тешен?

— Можно фройляйн Изольда, — качнула она головой и сощурилась. — Наверное, тот же, кто украл реликвию. Противник унии.

К сожалению, Курт знал, что убийца и вор два разных человека. Не мог же барон Лютер выстрелить сам в себя.

— И у вас есть версии, кто это?

Камеристка в углу оглушительно чихнула, затем еще раз. Изольда снова глотнула из бокала. И Курт понял, что редкий момент откровенности упущен.

— Боюсь, что нет, герр инспектор, — сказала она. — В конце концов, узнавать ваша работа, а не моя. С вашего позволения, я вас покину. Бедной Этте надо прилечь. Увидимся, Йозеф.

— Д-да, — пропыхтел тот, открывая перед дамами дверь, а затем повернулся к Курту. — Ни слова. Я уже наслушался от тети Ады о своей глупости. О чем ты хотел попросить?

— Посмотреть на тело барона Лютера фон Шенхаузена.

Йозеф ничуть не удивился странному предложению, однако предупредил:

— Степень бакалавра я получу только в следующем году. Ты не сможешь сослаться на мои заключения.

Курт ответил, что понимает, и повел будущего врача в здание с кладовыми, которое располагалось неподалеку от замка, чуть левее, напротив черного выхода с кухни. Внутри длинного приземистого строения инспектора встретили полки с многочисленными запасами непортящейся еды и толстая дверь, ведущая под землю. Там находился ледник и чудо современной техники: паровой холодильник.

Йозеф тут же пошел к нему, но Курт остановил его и жестом указал на крышку люка в полу.

— Ну, кто будет хранить тело рядом с продуктами? — укоризненно спросил он. — К тому же холодильник не так велик.

— Уж явно больше, чем в университете, — разочарованно произнес Йозеф, потрогал мерно гудящую установку и послушно спустился в ледник.

Через минуту он уже тщательно осматривал вытянувшееся тело того, кто недавно был хозяином замка. Курт стоял молча, обхватив себя руками. После тепла на улице здесь было ощутимо холодно.

Наконец, Йозеф закончил и повернулся к инспектору, но взгляд его зацепился за что-то за его спиной.

— Надо же, свежайшие телячьи вырезки рядом с телом,

— насмешливо протянул он. — А ты говорил — не будут.

— Не поместились в холодильник, — развел руками Курт. — Барона нельзя оставлять на летней жаре. Нашел что-нибудь?

— Ну... дырка в животе, вызвавшая сильное кровотечение, ссадины на руках и коленях, кстати, одна ладонь сжата, наверное, от боли, — принялся перечислять Йозеф. — Умер не сразу, пытался ползти за помощью. Может, если бы ее оказали вовремя, он бы выжил. Шишка на голове и повреждения на теле, ударился обо что-то. Но, полагаю, это тебе уже сообщил ваш доктор?

— Да, вчера осматривал тело, — ответил Курт. — Крайне раздраженный, что не успел позавтракать. Я хотел убедиться, что раны на теле указывают на попытки спастись, а не на борьбу. Две головы, как известно, лучше одной.

В свете фонаря стало заметно, как уши Йозефа покраснели от признания его компетентности. Он еще раз наклонился над телом и покачал головой.

— Тут ваш голодный эскулап прав. Но странно, что рана в животе. Разве для того, чтобы надежно убить, не лучше выстрелить в голову или хотя бы в шею?

— Если только не хотели, чтобы он страдал, — сказал Курт.

— Месть? — поднял брови Йозеф. — За то, что украл венец? Или личные счеты?

Инспектор поморщился про себя. Он пока не мог расска-

зать пасынку Ады, что Лютер заказал ювелиру подделку, ее-то и украли. С супругой он еще мог осторожно обсуждать ход следствия, но не более того. Йозеф же, несмотря на кажущуюся разумность, слишком беспечен. Поделится секретами с обожаемой Изольдой или новым приятелем Радеком.

— Если личные, то я могу до них не докопаться. Высший свет слишком хорошо хранит тайны. К тому же дело касается членов уважаемого духовного ордена.

Йозеф вздрогнул и растер ладони.

— Холодно.

Они поднялись наверх, плотно прикрыли крышку ледника, а затем вышли в верхнюю кладовую.

— Что касается всяких секретов, — сказал Йозеф, останавливаясь возле длинной связки сушеных грибов, — то что ты знаешь о венце Луки, дядя Курт?

— То же, что и все, полагаю, — ответил инспектор.

Хотя ему пришлось расспрашивать Луиджи Каппони, поскольку изучение Святого писания в школе прошло мимо его внимания. Да и сколько лет назад она была, эта школа. Курт не был религиозен, церковь посещал редко. Легенда о венце Луки оказалась не столько о вере в высшие силы, сколько о вере в себя. Явление ангела отчаявшемуся полководцу Авигдору, после смерти канонизированному под именем Лука, и без божественного подарка сохранило тому жизнь и придало силы продолжить борьбу. Венец же служил символом того, что если протянуть руку, то тебе помогут, и напомина-

нием, что даже в самых безвыходных ситуациях есть место надежде.

— А вот Радек проговорился, что есть еще одна версия легенды, — сказал Йозеф, — которая в канонических текстах, само собой, отсутствует.

— Какая же?

— Радек не знает, — огорченно ответил Йозеф. — Книга, в которой она изложена, лежит в личной библиотеке барона Витковича. А ее он запирает на замок. Довольно противный старик, как его не убили до сих пор. Ох, прости, дядя Курт. Я совсем не то хотел сказать.

— Думаю, уже без надобности, ему почти сто лет, — сухо заметил инспектор.

— Я к тому, что если такая книга есть в Богемии, то, может, она и здесь где-то запрятана? Могу поискать в библиотеке.

Пригласив в помощь Изольду, конечно же.

— Но чем другая легенда поможет мне в расследовании? — вслух спросил Курт.

Йозеф открыл рот, потом закрыл его и вздохнул.

— Ничем, наверное, я дурак, — покаянно сказал он. — В бальной зале висит картина с сюжетом про ангела. Тетя Ада не говорила? Мы все думали, похож ли венец на ней на настоящий. Видел ли художник оригинал?

— Картина? — переспросил Курт. — Взгляну на нее. По описанию свидетелей это обруч из темного металла. В него

через равные расстояния вставлены ромбовидные камни зеленого цвета. Магистр уверяет, что изумруды, а металл — редкая черная платина.

Йозеф присвистнул.

— То есть с него можно недурно материально поживиться?

— Более чем, — кивнул Курт.

Другое дело, что хорошо бы иметь инструменты для разбора, переплавки и связи на подпольном рынке, чтобы это продать. А за шевелением вокруг рынка пристально следит жандармерия через тайных информаторов.

Инспектор был бы рад, если бы венец действительно украл слуга Радека Витковича, который клялся, что никто не заходил в шатер хозяина. Тогда оставалось бы только ждать, пока он попытается продать его части.

Место преступления, его окрестности, а также слуг обыскали. Даже успели до того, как туда просочились особо изворотливые журналисты. Но для обыска хозяев и гостей замка, как и его помещений, требовалось особое разрешение. К тому же дом Шенхаузенов велик, на него уйдет столько времени, что дело ляжет на полку нераскрытых, а самого Курта разжалуют в дорожные смотрители.

Кабинет, как и спальню барона Лютера, он обыскал лично, с позволения баронессы. Конечно, ничего там не нашел. Проверить бы еще помещения для слуг. Хотя вряд ли они так беспечны, что спрятали украденное у всех под носом. Ско-

рее передали на хранение кому-нибудь, пока шум не уляжется.

— Кстати, Йозеф, — сказал Курт, когда они вышли из кладовой. — Ты доверяешь фройляйн Изольде?

Тот остановился и укоризненно посмотрел на инспектора.

— Я же просил… Или ты ее все-таки подозреваешь?

— Она интересная девушка, — уклончиво ответил Курт. — Необычная.

— Ты о том, как она одевается? — фыркнул Йозеф. — Или говорит, что думает?

— А также играет в бильярд и хлещет шнапс, как воду. Или делает вид, — прибавил инспектор. — Согласись, странное поведение для дамы из высшего света. Интересно, как к этому относится ее отец.

Йозеф замялся, зачем-то осмотрелся по сторонам и, подойдя ближе, тихо сказал:

— Мама Изольды умерла, когда ей было десять. Я свою потерял примерно в таком же возрасте. Но у меня была тетя Ада, а князь второй раз так и не женился.

— И фройляйн с тобой поделилась? — удивленно спросил Курт.

— Что тут такого, — вскинулся Йозеф. — Или ты считаешь, что она должна сторониться меня, потому что знатна и богата?

Бедный парень. Можно было бы ему объяснить, что родовитые девушки обычно так и поступают. Редко кто из них

из-за традиционного воспитания подвержен новым веяниям в обществе, как Изольда. Судя по всему, в случае с дочерью князя, есть причина.

— Ладно, с нами был Радек, его родители тоже умерли, — нехотя признался Йозеф, в его голосе послышались ревнивые нотки.

Значит, у не успевшей приехать в замок Изольды образовались целых два кавалера. И второй как раз тот, который первый в списке подозреваемых в краже венца Луки. Интересное совпадение, надо подумать над ним. И послать запрос в Богемию, пусть по мере возможностей потрясут Витковичей.

— Что еще рассказывал Радек? — спросил Курт.

— Пока ничего такого, чтобы тебе пригодилось, — ответил Йозеф, закатывая глаза.

Инспектору не нравилась история с подменой венца в Вене. Но в ней хотя бы можно разобраться. Ювелир, герр Голдфарб, охотно пошел на сотрудничество с жандармерией. Однако если реликвию так ловко подменили, то что мешало это сделать, например, еще в Богемии? И правнук старого прохвоста повез на капитул уже подделку. Кому как не Хранителю Реликвий жалеть о том, что лелеемая им драгоценность с чудесными свойствами станет подарком каким-то давно отколовшимся орденцам, считай, ренегатам?

Курт расстался с недовольным Йозефом в Большой гостиной и пошел искать Аду. Поднявшись в пристройку, он об-

наружил, что его вещи уже перенесли в новую комнату. Инспектор бросил взгляд на длинные напольные часы, блестящие латунным боком у стены рядом со шкафом, и решил переодеться. Затем он подошел к двери, ведущей в смежную комнату, и постучал.

— Войдите, — раздалось в ответ.

Ада сидела за туалетным столиком и что-то писала.

— А, ты уже освободился, — сказала она, поворачиваясь и улыбаясь.

— Что это у тебя? — спросил Курт, кивая на лист бумаги.

— Письмо кузине Мари. Она просила рассказать о поездке в Вену. Дома меня нет, наверняка она звонила и беспокоилась.

— Об убийстве не напишешь? — поинтересовался Курт, присаживаясь на край кресла и подвигая его ближе.

Ада с иронией посмотрела на него.

— Это будет в утренних газетах, — сказала она.

— Ты права, — вздохнул Курт. — Жандармерия с орденом и так задержали прессу больше, чем на сутки. Но фотографиями смогут похвалиться не все издания. Остальных разворачивали еще на подъездах к владениями фон Шенхаузенов.

— Что ж. Остальным остается взять интервью у епископа или комиссара.

— Ты безжалостна, — рассмеялся инспектор.

Ада фыркнула и посмотрела в сторону окна, за которым

скрылось солнце, оно ушло готовиться к закату на другой стороне.

— Какие они большие, совсем непохожи на окошки в старых замках, — заметила она.

— Фон Шенхаузены получили титул недавно, лет сто пятьдесят назад. Сначала они жили в развалине, доставшейся от прежних владельцев земли, недалеко отсюда. Потом глава семейства вступил в Мечники Христовы и построил этот замок.

— С одной стороны, — заметила Ада, — отсутствие сквозняков, никакого жучка в дереве и многочисленных крысиных нор. А с другой — приходится тяжко перед носителями старых титулов. Ведь среди них покойный барон и проводил время.

— Ему повезло, что это не сардинский орден. Там бы он не добрался до командорства. Туда и рядовых членов не берут без самого захудалого дворянства. Как и женщин, кстати.

Ада задумчиво покусала кончик пера и спросила:

— А в имперский принимают? Я тоже могу вступить в Мечники Христовы?

— Мне поговорить с магистром? — хмыкнул Курт.

И они оба рассмеялись.

— Наверное, пора готовиться к ужину, — сказала Ада, снова кинув взгляд на окно. — Как же тяжко менять одежду два раза в день. Я не привезла столько. Наверное, придется съездить домой. Как ты выживал в своей семье?

— Родители придерживались строгого этикета только когда приезжали гости, — ответил Курт. — Возможно, здесь такая же история.

Ада с досадным вздохом свернула письмо, засунула его в выдвижной ящик и порывисто встала.

— Время еще есть, надо улучшить тебе настроение, — с улыбкой посмотрел на нее Курт. — Может, помочь переодеться?

Глава 3

Ада проснулась от воя и лая собаки и поняла, что жутко хочет пить. Хозяева держали псарню, но странно, что вопли одного животного не подхватили остальные. Стоило об этом подумать, как к сольному певцу присоединились еще два или три. Хор стал многоголосым. Ада еще немного поворочалась и села на кровати. Дотянувшись до свечи, она зажгла ее и пошла к столику, где должен был стоять графин с водой. Но он блестел пустотой. Ведь они с Куртом выгнали горничную, заявившуюся в неподходящий момент.

Ада немного поколебалась, ощупывая языком пересохший рот, вздохнула, накинула капот, сунула ноги в мягкие туфли и тихо вышла их комнаты, прихватил свечу. Вечером она хорошо изучила путь от комнаты до Большой гостиной внизу. А сразу за ней начинался длинный коридор, который вел к кухне. Так что она не заблудится.

Неслышно ступая по ковровым дорожкам, она добралась до лестницы, миновала переход до другой, спустилась, держась за перила, пересекла гостиную и услышала голоса. Неразборчивые, но и не достаточно тихие, чтобы пройти мимо. Вероятно, говорили за дверью, которая вела то ли в проход к библиотеке, то ли к бальной зале. Ада задула свечу и подошла ближе, стараясь держаться стены. Только бы они не открыли дверь и не зашли.

Она остановилась, когда стала различать отдельные слова. Разговаривали двое мужчин.

— ... теперь днем с огнем не сыщешь. Но это и хорошо — он ничего не расскажет.

— За сведения могут объявить награду, он и явится. Я буду все отрицать.

— Вот как, значит. Спрячешься в угол, как крыса?

— Помни, с кем разговариваешь... Ты обманул меня... Проклятие, что это?

Ада замерла, прижавшись к стене и затаив дыхание. Она была уверена, что не издала ни звука.

— Святые небеса, да это кот, — с облегчением прошептал один из мужчин, и дверь скрипнула.

— Что ты делаешь?

— Выпускаю, еще мяукать начнет. Идем отсюда.

Послышались удаляющиеся тихие шаги, а в приоткрывшуюся дверь скользнула маленькая белая фигурка. Пушель! Не одна супруга инспектора жандармерии рыскает по ночам и слушает чужие разговоры.

«Не вовремя ты появился, дружок, — подумала Ада, следя за тем, как белое пятно обнюхивает что-то на полу, а затем подбегает к окну и вспрыгивает на подоконник. — Может, я бы узнала, кто это был».

Кот старательно умывался в слабом свете луны. Его не волновали человечьи заботы.

Ада осмотрела три графина на двух столиках, но два ока-

зались пусты, а в одном на дне плескался коньяк.

Свечу зажечь было нечем, пришлось на ощупь пробираться до кухни. Там Ада утолила жажду, нашла коробку спичек и присела на край стула, уставившись в пламя свечи. Идти назад стало немного страшновато. Судя по сказанному, двое обсуждали что-то серьезное, и вряд ли это были слуги. Слишком грамотная речь. Хотя дворецкий и пара лакеев разговаривают, как господа.

Ада посидела еще несколько минут, прокручивая в голове услышанное, запоминая его и думая, о чем могла идти речь. Но сонный мозг отказывался работать. Надо вернуться, записать разговор, а с утра показать Курту.

Она кое-как добралась до комнаты, рухнула в кровать и, засыпая, поняла, что собаки утихли.

Когда около девяти утра Ада спустилась в столовую, за длинным столом сидел один человек, Пауль фон Меренберг. Он неспешно пил что-то из кружки с птичкой и приветливо поздоровался с Адой.

Дежуривший рядом лакей бросился подавать приборы, а затем нажал одну из кнопок на стене.

— Завтрак сейчас принесут, госпожа, — отчеканил он.

Ада приподняла брови, но промолчала. Наверное, слугам некогда было разбираться, кто тут госпожа, а кто просто фрау. Граф фон Меренберг посмотрел на Аду и улыбнулся.

— Мы с вами последние, кроме разве что молодежи. Остальные уже поели.

— Обычно я встаю раньше, — зачем-то стала оправдываться Ада. — Но дорога вчера вышла утомительной. Вы не видели моего мужа? В комнате его нет.

— Увы, — ответил граф. — По дороге сюда я встретил только баронессу.

Лакей кашлянул, и Ада посмотрела на него.

— Прошу прощения. Инспектор отбыл час назад на паромобиле, присланном из жандармерии.

Значит, срочный вызов. Надо глянуть, есть ли записка, хотя если Курта разбудили, он мог забыть написать. Досадно.

— Надеюсь, что новости будут хорошие, и дело сдвинется, — сказал граф. — Мы находимся в подвешенном состоянии. Мне надо решить, распускать ли командоров по домам и что делать с герром Каппони. Еще позвонить сардинскому магистру... нет, лучше написать. Телефон не подходит для такой беседы. Я должен знать, будет ли возвращена реликвия, или с ней придется проститься. Вы что-то хотите сказать, дорогая фрау?

Ада чуть покраснела. На ее счастье в столовую зашла горничная с завтраком. Ее хлопоты дали необходимую паузу, а аромат жареных колбасок привел фрау фон Апфельгартен в благодушное настроение.

— Видите ли, ваше сиятельство, — начала она, старательно подбирая слова. — Боюсь, что дело с венцом не вызовет такого скандала, как убийство. Мой супруг в первую очередь ищет убийцу барона. Хотя это может быть тот же, кто украл

реликвию.

Магистр кашлянул с досадой.

— Да, насчет скандала вы правы, — нехотя признался он. — В утренних газетах, кстати... — он глянул в сторону замершего и вытянувшегося лакея, — принесите еще один экземпляр. Так вот, там ни слова о венце. Заголовки кричат об убийстве. Орден тоже упомянули, но этого нельзя избежать. И все задаются вопросом, что будет с ярмаркой. Сразу понятно, что волнует большинство. Но хотя бы это не моя забота.

Ада постукивала приборами о тарелку, с удовольствием расправляясь с завтраком.

— Значит, вы считаете, что я несправедлив и необъективен? — спросил граф, и Ада чуть не подавилась колбаской.

— Что вы, ваша светлость...

— Можно просто граф Пауль.

— Благодарю. Я просто объяснила позицию моего мужа. Он человек закона, а закон считает убийство тяжким преступлением. Но вас тоже можно понять. Вы столько времени потратили на то, чтобы уния состоялась.

Магистр пригладил усы, немного пришедшие в беспорядок, и грустно усмехнулся.

— Орден это вся моя жизнь, — сказал он. — Я так хотел, чтобы мы стали единым, как на заре времен, когда все начиналось. Мне казалось, что командоры, как ближайшие помощники и советники, поддержат меня. Но, видимо, сильно

ошибся.

— Мне очень жаль, — совершенно искренне посочувствовала Ада, глядя в его погрустневшие глаза. — Не может быть, чтобы все противились вам.

— Иштван де Надашди выступал за унию, — чуть сощурился граф. — И покойный барон Лютер вроде тоже. По крайней мере, не вставлял палки в колеса. Остальные... теперь я уже ни в чем не уверен. Зато каждый из них считал себя моим преемником.

— А власть магистра не передается по наследству? — поинтересовалась Ада.

— В имперском ордене нет, наследственное только командорство, — качнул головой граф. — Я должен составить что-то вроде завещания, где написать имя. Вот у сардинцев все магистры из одной семьи.

Не согласился ли западный орден на унию, потому что тамошний магистр был недоволен наследниками? Или у него их вообще не было. Командорам, в свою очередь, могла надоесть власть одного клана. А так и проблему решить, и реликвию получить.

— И вы знаете, кто это будет? — спросила Ада. — Ваш преемник?

Магистр остолбенело посмотрел на нее, а затем расхохотался.

— А вот это, дорогая фрау, моя тайна, — кряхтя и утирая слезы, сообщил он. — Командоры дали бы отрубить ногу за

это знание. Ну, руку уж точно.

— Безногих и безруких среди них я пока не заметила, — сказала Ада, и граф снова засмеялся.

Нечего сказать, повеселила она старика. А магистр не настолько добр, несмотря на благообразную внешность. Ведь он не мог не понимать, какие настроения вызовет его затягивание завещания. Командоры будут интриговать друг против друга, стремиться угодить магистру, а то и убирать соперников. Курт утверждал, что люди их положения крайне осторожны и редко идут на очевидные преступления, но низменные чувства часто сильнее. А именно на них и играл магистр ордена Мечники Христовы.

Вернувшийся лакей принес газету и положил ее на стол. Ада кинула взгляд на заголовок: «Жестокое убийство барона фон Шенхаузена! Ежегодная ярмарка в честь дня Урожая под угрозой!» Граф Пауль прав, у множества людей отмена ярмарки вызовет больше возмущения, чем несчастье в семье, которая ее устраивает.

— Грустно это все, — вырвалось у Ады, когда она пробежала глазами статью.

— Безусловно, дорогая фрау, безусловно, — теперь с некоторой долей понимания отозвался магистр. — Но если я поддамся грусти, то чего будут стоить мои прошлые усилия?

— Да, понимаю вас, граф Пауль, — посмотрела на него Ада и не покривила душой. Что бы там ни было, у него своя правда. Видеть, как дело, которому отдал долгие годы, а то и

всю жизнь, идет вкривь и вкось, должно быть, невыносимо.

— Правда? — улыбнулся магистр. — Позволю себе поверить. Знаете, вы похожи на мою сестру. Какой она была в молодости, конечно. Бедняжки не стало лет пятнадцать назад. Мы были очень привязаны друг к другу.

— Терять близких всегда тяжело, — согласилась Ада, вспоминая двух покойных мужей, особенно отца Йозефа, с которым они прожили долгие годы, и родителей, жизнь которых унесла эпидемия гриппа.

— Рано или поздно приходится, — сказал магистр. — Главное, чтобы окружающие не ожидали этого с нетерпением.

Ада не поняла, серьезно ли он или снова смеется. Вроде в глаза пляшут веселые искорки, но не тени улыбки на лице.

Дверь скрипнула, лакей с шумом оторвался от стены, на которую успел лениво опереться, и почтительно вытянулся.

— Надеюсь, вы не имеете в виду кого-то определенного, граф, — сказал Гюнтер, проходя в столовую. Выглядел он гораздо опрятнее, чем накануне.

— Мы с фрау фон Апфельгартен беседовали о жизни, — ответил магистр и, когда новый хозяин замка повернулся, чтобы сесть, быстро подмигнул Аде.

— Мне только кофе, — махнул Гюнтер лакею, и тот поспешил на кухню, на этот раз не воспользовавшись кнопкой. — Кстати, фрау фон Апфельгартен, вас хочет видеть матушка.

— Вот как, — постаралась не высказать удивления Ада. — Тогда я закончу и зайду к ней.

— Она будет в кабинете отца, раз инспектор пока отсутствует.

Ада подавила облегченный вздох. Не придется искать комнату баронессы, блуждая по коридорам замка.

После прихода Гюнтера кусок в горло уже не лез. То ли потому, что магистр замолчал и вскоре ушел, то ли мешало нервное постукивание пальцами по столу, которым развлекался новый барон, пока ждал кофе. Когда его принесли, он сделал глоток и громко поставил кружку на стол.

— Чертова газета… Простите, — осекся он. — Теперь неизвестно, когда нас оставят в покое. Придется нанять еще людей, чтобы охраняли границы владений и не пускали репортеров.

Ада пробормотала слова сочувствия. А чего ожидал Гюнтер? Что убийство его отца, барона фон Шенхаузена, видной фигуры в местном сообществе, обойдут почтительным молчанием? Но вслух, само собой, ничего подобного не сказала. Сын скорбит по отцу, он имеет право быть гневным и несправедливым.

Она поспешно закончила завтрак, допила кофе и, ободряюще улыбнувшись мрачному Гюнтеру, поспешила в кабинет. Возможно, мать окажется приветливее сына.

— А, фрау фон Апфельгартен, проходите, устраивайтесь.

Баронесса сидела у окна на одном из широких кресел,

склонившись над вязанием. Второе кресло, тоже обитое темно-зеленым бархатом, стояло напротив. Ада проследовала к нему, медленно села, озираясь по сторонам.

Кабинет покойного барона Лютера и временное рабочее место Курта напоминал гнездо на дереве — по-своему уютное, но несколько тесное от обилия массивных вещей. Резные панели на стенах из темного дуба поглощали свет, и их причудливые орнаменты из виноградных лоз и дубовых листьев, казалось, шевелились. Резные ножки стульев, кресла с резными подлокотниками в форме грифонов тоже утяжеляли обстановку. Гобелен и обивка мебели были выдержаны в зеленых оттенках, от болотного до глубокого изумрудного.

Из кадки в углу торчало что-то вроде пальмы. Ее длинные, кожистые листья были покрыты тонким слоем пыли, а несколько засохших кончиков желтели, словно старые перья на шляпе из прошлых веков.

Среди этого ансамбля выделялся лишь большой щит на стене в форме капли алого цвета, на которой красовалась рука по локоть, закованная в кольчугу, держащая длинный геральдический меч. А также вязание в руках баронессы, переливающееся всеми оттенками желтого и оранжевого. Сама хозяйка отдала предпочтение скромному траурному темно-серому платью. На Аде же красовались те самые блузка и юбка природных тонов, как нельзя лучше подходящие к убранству кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.